

САМОДЕРЖАВИЕ И ОПРИЧНИНА

(Некоторые итоги политического развития России
в период опричнины)

Опричнина была важным этапом в процессе становления самодержавия в России в XVI в. Не случайно некоторые исследователи начинали историю русского самодержавия с опричнины. Чтобы определить подлинное влияние опричной политики на историческое развитие русской монархии и изменение ее форм, необходимо детально изучить предпосылки опричнины, существо и значение ее основных мероприятий.

Вопрос о значении опричнины вызвал длительные споры в исторической литературе. В самые последние годы были опубликованы монографии С. Б. Веселовского и А. А. Зимина, которые продвинули вперед исследование важнейших проблем опричнины.¹ Но споры о значении опричнины и ее влияние на политическое развитие России далеки от своего завершения по сей день.

По мнению А. А. Зимина, «основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности».² Носителями удельной раздробленности А. А. Зимин считает те социальные силы, которые более всего пострадали от опричного террора. «Во времени введения опричнины, — пишет А. А. Зимин, — наиболее мощными форпостами удельной децентрализации в России были Старицкое княжество, Великий Новгород и церковь».³

Заметим, что всероссийская церковь на протяжении многих веков служила мощным орудием в руках великокняжеской и царской власти. Она действительно помогала князьям в объединении русских земель, проповедовала теорию божественного происхождения власти московских самодержцев и т. д. Недоразумения и

¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

² А. А. Зимин. Опричнина. . ., стр. 477.

³ А. А. Зимин. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964, стр. 41.

раздоры между светскими и духовными властями, случавшиеся иногда, имели, как правило, не общие, а частные причины. Нередко они были простым отзвуком борьбы, происходившей в среде правящего боярства, с которым руководители церкви были связаны прочными нитями. Считать церковь форпостом удельной децентрализации едва ли возможно. Любопытно, что опричная ломка вовсе не коснулась основы могущества феодальной церкви, ее земельных богатств.

Великий Новгород был включен в состав Русского государства окончательно и бесповоротно почти за столетие до опричнины. Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Именно здесь Москва произвела невиданную массовую экспроприацию всех местных феодальных землевладельцев (крупных бояр, кушцов и житых людей), а на их место водворила московских дворян-помещиков. В XVI в. московские порядки прочно утвердились в Новгороде. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгородской земли, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель и т. д. Пресловутый новгородский сепаратизм был побочным продуктом острых социальных противоречий в Новгороде, следствием недовольства низов против обременительных царских податей, угнетения со стороны московских помещиков и московской администрации. Новгород весьма сильно пострадал от опричного террора, но назвать его оплотом удельной децентрализации едва ли возможно.

Старицкое удельное княжество было живым пережитком порядков феодальной раздробленности в XVI в., но считать его самым «мощным форпостом» удельной децентрализации нет оснований. Во-первых, наряду со Старицким уделом на Руси было не менее десятка крупных удельных княжеств. Правда, А. А. Зимин полагает, что эти остатки «удельной обособленности не представляли никакой опасности для самодержавной власти».⁴ Но согласиться с этим нельзя. Во-вторых, наряду с удельными князьями существовала могущественная боярская аристократия, потомки местных удельных династий.

А. А. Зимин не может игнорировать многочисленных антикняжеских и антибоярских репрессий опричнины, но каждый раз он низводит их на степень случайных фактов, объясняя мелкими служебными провинностями бояр и т. д.⁵ «...ни о каком разгроме „боярства“ в XVI веке, — утверждает он, — не может идти и речи».⁶ Монархия не имела особых причин для гонений против боярства: «...последние работы по истории... политической

⁴ См.: А. А. Зимин. Опричнина..., стр. 362—363.

⁵ Там же, стр. 97—99, 109, 156—157.

⁶ А. А. Зимин. О политических предпосылках..., стр. 20.

борьбы в XVI веке показывают, что нельзя усмотреть децентрализаторские тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства...»⁷

В своей концепции опричнины А. А. Зимин пытается примирить две взаимоисключающие точки зрения. Следуя за С. Б. Веселовским, он утверждает, что опричнина не имела антикняжеской и антибоярской направленности. В то же время он доказывает, что опричнина покончила с остатками феодальной раздробленности на Руси, носителями которой были будто бы все-российская церковь, дворяне и население Новгорода, а не княжеская и удельно-боярская знать в целом. Остается необъяснимым, каким образом могущественная боярская аристократия превратилась в XVI в. в поборницу московской централизации.

Период опричнины был важным этапом в процессе длительного исторического развития от феодальной раздробленности к абсолютной монархии.

В конце XV—первой четверти XVI в. процесс объединения русских земель в рамках единого централизованного государства завершился. Но порядки и традиции феодальной раздробленности, господствовавшие на протяжении трех-четырех столетий, не исчезли бесследно и продолжали оказывать воздействие на политическую историю Руси в течение всего XVI в. Живым носителем традиций феодальной раздробленности (в той мере, в которой эти традиции еще сохранились) была могущественная боярская аристократия. Правящее московское боярство не представляло собой единой и однородной массы. В его сложной иерархии запечатлелась вся история объединения русских земель. Три высшие ступени московской иерархии занимали последовательно удельные князья, титулованная княжеская знать и нетитулованное старомосковское боярство.

Старомосковские бояре (Челяднины, Захарьины, Морозовы, Плещевы, Бутурлины и т. д.) владели обширными землями на территории собственно Московского княжества в Московском, Коломенском, Костромском и Переяславском уездах, издавна служили московским великим князьям и составляли наиболее прочную политическую опору поднимающейся монархии. Некогда старомосковская знать безраздельно господствовала в думе и при дворе московских государей. Затем она уступила первенство более знатным княжеским фамилиям, но и тогда продолжала прочно удерживать в своих руках важнейшие отрасли приказного аппарата управления государством, включая Конюшенный приказ и Казну, а также Большой дворец и областные дворцы.

⁷ Там же, стр. 23.

По мере присоединения к Москве независимых княжеств северо-восточной Руси на службу к московским князьям перешла многочисленная титулованная знать, члены местных княжеских династий. Они не могли забыть своего бывшего величия и были полны зависти к правящей московской династии. В их среде постоянно жило недовольство самодержавными поположениями московских государей и были сильны традиции феодальной раздробленности. К середине XVI в. высшая титулованная знать занимала прочные позиции в Боярской думе и армии. В виде особой привилегии некоторые княжеские фамилии проходили службу при дворе по особым княжеским спискам⁸ (см. таблицу⁹).

Князья	По дворовым спискам 50-х годов		В составе Боярской думы	
	по княжескому списку	всего	бояре	окольные
Суздальские	3	14	5	—
Ростовские	18	55	3	—
Ярославские	83	160	3	3
Стародубские	15	36	2	1
Оболенские	56	68	7	—
Итого	175	333	20	4

Совершенно особое положение в среде высшей титулованной знати занимали многочисленные и влиятельные князья Ростово-Суздальские, Ярославские и Стародубские, происходившие от единого корня и сидевшие крупными гнездами на территории некогда принадлежавших им княжеств. К середине XVI в. землевладение младших потомков удельных княжеских династий Владимиро-Суздальской земли подверглось значительному дроблению. Наиболее крупные земельные богатства сохранили в своих руках старшие Суздальские князья. Они происходили из старших отраслей владимирской великокняжеской династии и не уступали

⁸ По своему положению и связям Оболенские мало чем отличались от Ростово-Суздальских князей. Измельчавшие потомки Чернигово-Северских князей, они давно утратили свои уделы и перешли на службу к московским государям. Помимо Оболенских, только князья Мосальские проходили службу при дворе по особым княжеским спискам, но по своему влиянию они далеко уступали названным княжеским фамилиям.

⁹ Таблица составлена на основании Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 1552 г. (далее: ТКДТ). В таблице учтены данные, приведенные в статье П. Е. Носова «Боярская книга 1556 г.» (в кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960, стр. 245).

Отметим, что сведения Дворовой тетради о назначениях в Боярскую думу не отличаются полнотой.

в знатности московским великим князьям.¹⁰ Годы боярского правления (конец 30-х—начало 40-х годов XVI в.) наглядно показали, что для неокрепшей феодальной монархии политические претензии суздальской знати представляли наибольшую опасность.

Княжеская и старомосковская нетитулованная знать, постоянно борющаяся за политическое преобладание, составляла наиболее многочисленные и влиятельные прослойки правящего боярства. Третьим компонентом была удельная аристократия.

Удельные князья занимали самую верхнюю ступень московской иерархии, но влияние их на политическую структуру Руси XVI в. не следует преувеличивать. Процесс централизации государства беспощадно уничтожил древние удельные княжения северо-восточной Руси. Почти все уделы, сохранившиеся до времени Грозного, образовались в конце XV—начале XVI в. и были сравнительно молодыми княжествами. Крупнейшими уделами владели, во-первых, члены правящей московской династии, родственники царя (князья Старицкие, Углицкие) и, во-вторых, иноземная знать, главным образом литовского происхождения (князья Бельские, Мстиславские, Воротынские, Одоевские, Трубецкие и т. д.). Литовская аристократия стала переходить на московскую службу после того, как Русское государство добилось первых крупных успехов в войне с Литвой и присоединило Северские земли. Князья Воротынские, Одоевские и Трубецкие сохранили старинные родовые владения на территории Чернигово-Северского княжества, но их вотчины, за исключением Воротынского удела, подверглись сильному дроблению. Крупные литовские магнаты — князья Бельские и Мстиславские получили удельные княжества из рук московского правительства и в значительной мере зависели от него. Удельная знать литовского происхождения основательно потеснила суздальскую знать, заняв первые места в Боярской думе и на военной службе. При дворе удельные владыки служили до получения боярского чина по особому списку «служилых князей». В силу немногочисленности и отсутствия политических связей, которыми располагали потомки местных владими́ро-суздальских династий, соперничавшие с ними удель-

¹⁰ Старшие потомки владими́рской великокняжеской династии писались в родословцах князьями Суздальскими и Новгородскими. Некоторые из них были служилыми князьями в Новгороде еще в XIV—XV вв. Последним служилым князем независимого Новгорода был князь В. В. Гребенка-Шуйский, неудачно руководивший военными действиями против московских воевод. (См.: Родословная книга князей и дворян Российских, ч. I. М., 1787, стр. 67—69, 74; ПСРЛ, т. XXV, стр. 290, 318—319). Князья Шуйские дважды воспользовались ослаблением монархии для захвата власти: впервые — в годы боярского правления в конце 30-х годов и вторично — в период «смуты» в начале XVII в., когда князь В. И. Шуйский занял московский престол. В длительном соперничестве между княжеской знатью и старомосковскими боярами победиле последние. На смену царю Шуйскому пришла династия бояр Романовых-Захарьинных.

ные князья постоянно тяготели к союзу со старомосковской знатью.

Неокрепшая монархия была вынуждена постоянно лавировать между различными группировками правящего боярства. Громадному влиянию суздальской знати правящая династия могла противопоставить поддержку старомосковского боярства и отчасти удельных князей. В то же время влиянию боярской аристократии в целом она противопоставляла поддержку дворянства и купеческой верхушки. Конечно, между титулованной и старомосковской знатью, между боярской прослойкой и верхами дворянства не было твердых перегородок: старомосковские и княжеские фамилии были связаны сложным клубком родственных отношений и, кроме того, наиболее глубокие социальные требования и интересы были общими для всего феодального сословия. Последнее обстоятельство неизбежно ослабляло действие указанной выше тенденции. Тем не менее раздоры между различными группами и прослойками правящей боярской аристократии достигали иногда, например в годы опричнины, очень большой остроты. Влияние подобных раздоров на политическое развитие страны, хотя и было ограничено определенными рамками, в целом было значительным, особенно в переломные моменты. Сами же рамки политической истории XVI в. были установлены в ходе длительного исторического развития, причем решающую роль в их возникновении сыграли классовые противоречия и социально-экономическое развитие страны в целом.

С падением Избранной рады сравнительно быстро распалась та широкая коалиция сил в Боярской думе, которая служила опорой правительства Сильвестра-Адашева и определяла характер его политики. Наибольшие выгоды из переворота извлекла для себя боярская фамилия Захарьиных. В начале 60-х годов был образован регентский совет, который должен был управлять страной в случае кончины царя. В состав его вошли удельный князь И. Ф. Мстиславский, бояре Захарьины (Д. Р. Юрьев, В. М. Юрьев, И. П. Яковлев), Ф. И. Умной-Кольчев, думные дворяне князь А. П. Телятевский и П. И. Горенский и думный дьяк А. Васильев.¹¹ Из пятерых бояр-регентов трое принадлежали к роду Захарьиных, а четвертый (Кольчев) был их однородцем. Формально главой регентского совета стал князь И. Ф. Мстиславский, но удельные князья играли в новой правительственной комбинации второстепенную роль. Захарьины не допустили в регентский совет ни своих давних противников Старицких, ни главу Боярской думы князя И. Д. Бельского, ни Воротыньских. Устранение из ближней думы наиболее влиятельных удельных князей вызвало резкое недовольство удельной знати. Образование удель-

¹¹ Бояре-регенты принесли присягу наследнику, а также скрепили подписями специальную запись, служившую приложением к царской духовной (СГГД, ч. I, № 174, стр. 474—475).

ной фронды стало важнейшим фактором политической истории начала 60-х годов.

Приход к власти Захарьиных знаменовал собой поражение титулованной (суздальской и прочей) знати. Глава клана суздальских князей прославленный воевода князь А. Б. Горбатый был отстранен от дел. Главный единомышленник Сильвестра князь Д. И. Курлятев получил отставку, а затем был насильственно заточен в монастырь. Подобные меры вызвали резкий протест со стороны титулованной знати, не мирившейся с тем, что «молодые люди» Захарьины «истеснили» великие и знатные княжеские фамилии. Их происками один из самых авторитетных членов ближней думы М. Я. Морозов был назначен в Смоленск и пробыл в почетной ссылке четыре года.¹² Захарьины не допустили в регентский совет бывшего члена ближней думы И. В. Большого Шереметева и т. д.

По существу, Захарьины оказались в начале 60-х годов в еще большей изоляции, нежели в период династического кризиса в начале 50-х годов.

Одним из первых практических мероприятий правительства Захарьиных было издание нового уложения о княжеских вотчинах 15 января 1562 г. Княжатам запрещалось продавать и менять свои старинные вотчины. Казенной собственностью объявлялись все выморочные княжеские вотчины, а также «великие вотчины», перешедшие во владение наследников по женской линии. Даже ближайшие родственники (братья и племянники, исключая сыновей) могли наследовать старинные княжеские вотчины лишь при наличии специального разрешения правительства.

Уложение предусматривало частичный или полный пересмотр всех сделок на княжеские вотчины, заключенных после смерти Василия III.

Земельное законодательство начала 60-х годов весьма точно отразило взаимоотношения различных группировок правящего боярства в тот период. Единственной категорией крупнейшего привилегированного вотчинного землевладения, не затронутой никакими ограничениями, оказалось землевладение нетитулованной старомосковской знати. Действие Уложения распространялось на родовое землевладение Ростово-Суздальских, Ярославских, Стародубских и прочих княжат, а также владения удельных князей Воротыньских, Одоевских и Трубецких.¹³

Земельное законодательство и некоторые другие мероприятия нового правительства вызвали резкий протест в Боярской думе и углубили раздор между монархией и верхами феодальной аристократии. Следствием этого раздора была опала на виднейших

¹² Разрядная книга 1375—1605 гг. ГПБ, Эрмитажное собр., д. 390, лл. 279, 283, 300 об. (далее: Разряды); Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.—Л., 1951, стр. 536.

¹³ АИ, т. I, № 154, стр. 268.

удельных князей В. М. Глинского, главу думы И. Д. Бельского, М. И. Воротынского и А. И. Воротынского в 1561—1562 гг. После Полоцкого похода правительство Захарьиных расправилось со своими давними соперниками Старицкими и добилось заточения в монастырь самого деятельного члена удельной фронды княгини Ефросиньи Старицкой.

Монархия сравнительно легко справилась с выступлением удельной фронды, но она столкнулась с чрезвычайно трудной ситуацией, когда попыталась сокрушить оппозицию в Боярской думе, объединившую могущественную суздальскую знать, часть старомосковского боярства и остатки продворянского кружка Адашевых.

Жестокая казнь околыничего Д. Ф. Адашева и его родни (1563 г.), опала боярина князя А. М. Курбского (в том же году), убийство без суда и следствия бояр князей М. П. Репнина и Ю. И. Кашина Оболенских, опала и гибель боярина князя Д. И. Хилкова-Стародубского, заключение в тюрьму боярина И. В. Большого Шереметева и казнь его брата боярина Н. В. Шереметева (в 1564 г.) знаменовали собой открытый разрыв между правительством и Боярской думой.

Наметившийся поворот к террору вызвал глубокие разногласия в правительстве Захарьиных и обнаружил наличие в нем разнородных течений. Стремления Грозного к насильственному подавлению боярской оппозиции нашли энергичную поддержку со стороны немногочисленного кружка, группировавшегося вокруг боярина А. Д. Басманова. Для характеристики личности этого последнего существенное значение имеют два момента. Во-первых, Басманов происходил из знатного старомосковского рода Плещеевых и его отец служил постельничим у Василия III.¹⁴ Во-вторых, он был одним из самых выдающихся воевод в царствование Грозного.¹⁵

Противники царя хорошо понимали роль и значение Басманова в новом правительстве. На другой день после бегства в Литву Курбский обрушился на Басманова с яростными нападениями, требуя его немедленного удаления из правительства: «... и видех ныне сигкльга, — писал он, — ... иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду и

¹⁴ Родословная книга, ч. I, стр. 299; Разряды, л. 16 об.; Сб. РИО, СПб., 1910, т. 129, стр. 40.

¹⁵ Под Казанью Басманов отбил атаку татар на позиции Большого полка воеводы М. И. Воротынского и возглавил штурмующие колонны в районе Царских ворот (ПСРЛ, т. XIII, стр. 212—217). В знаменитой битве с татарами под Судьбищами он спас русскую армию от полного поражения (там же, стр. 257; История о великом князе Московском. Сочинения князя Курбского. РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стр. 223—224). Спустя три года Басманов занял сильную ливонскую крепость Нарву, что послужило поворотным моментом в ходе конфликта, приведшего к Ливонской войне (ПСРЛ, т. XIII, стр. 327).

выгубил уже сильных во Израили, ... не пригоже у тебя быти таковым потоковником, о царь!»¹⁶

Устами Курбского боярская оппозиция смогла, наконец, открыто провозгласить свою политическую программу.¹⁷ Ответом на его выступление явилось знаменитое послание Грозного, центральным моментом которого был вопрос о взаимоотношении монархии и боярской знати. «... Российское самодержжество, — писал царь, — изначяла сами владеют своими государьствы, а не боляре и не вельможи».¹⁸

Основной смысл эпистоли Грозного состоял в обосновании политики неограниченных репрессий против княжеско-боярской оппозиции.¹⁹ Вся его аргументация в конечном счете сводится к тезису о «великой» боярской измене. Боярскому «своеволию» царь противопоставляет тезис о неограниченном своеволии монарха, власть которого утверждена богом и не может быть ограничена в пользу знати.

Выступление Курбского не было гласом вопиющего в пустыне. Вскоре после его бегства из России митрополит и члены Боярской думы выступили с решительным протестом против убийства без суда и следствия знатного воеводы князя Д. Ф. Овчины-Оболенского.²⁰ Верноподданническое ходатайство митрополита и бояр внешне мало напоминало гневные филиппики Курбского. Но суть требований была одна и та же: прекращение террора против верхов боярской аристократии.

Выступление эмигранта Курбского, неповиновение церковного руководства и объединение оппозиционных сил внутри страны произвели на царя ошеломляющее впечатление. В письме к Курбскому Иван утверждал, будто ему непокорны, «безсогласны» только друзья беглого боярина. На поверку «безсогласными» оказались и митрополит и Боярская дума и некоторые члены правительства. Горделивые декларации царя относительно вольного «Российского самодержества» и права монарха казнить своих холопов-люданных обнаружили свою несостоятельность.

В условиях, когда столкновение монархии с могущественной аристократией достигло критического момента и любое новое осуждение грозило вырвать из рук правительства контроль за положением дел, царь не решился наказать инициаторов антиправительственного выступления и на время полностью прекратил всякие репрессии. Одновременно, в глубокой тайне власти готовились ввести в стране чрезвычайное положение.

¹⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 536.

¹⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников, Курбский и его письма в Исково-Печерский монастырь. ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 99—116.

¹⁸ Послания Ивана Грозного, стр. 14—15.

¹⁹ Там же, стр. 13, 44.

²⁰ А. Шлихтинг. Новое известие о России в царствование Грозного. Л., 1934, стр. 16—17.

Монархия никогда не могла бы расправиться с могущественной аристократической оппозицией без поддержки со стороны дворянства. Приобрести такую поддержку можно было двумя путями. Первый из них состоял в расширении сословных прав дворянства, расширении его представительства в органах управления и осуществлении широкой программы дворянских реформ. Но правительство Грозного, чуждое идеям дворянских реформ, избрало другой путь. Вместо организации дворянского сословия в целом оно учредило привилегированную дворянскую охрану, опричнину.

К середине 60-х годов правительство Захарьиных, каким оно сложилось в начале десятилетия, полностью распалось. Признанный глава этого правительства дворецкий Д. Р. Юрьев умер. Видный член регентского совета боярин И. П. Яковлев-Захарьин впал в немилость и подвергся кратковременному аресту. Другой член этого совета князь П. И. Горенский пытался бежать в Литву, но был схвачен на рубеже. Распад правительства Захарьиных развязал руки «крайним» элементам в лице А. Д. Басманова и его единомышленников. Но они не обладали необходимым авторитетом и властью, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение вопреки воле Боярской думы и церковного руководства. Между тем дума и митрополит осуждали любые попытки возобновления террора. Тогда царь объявил об отречении от престола и таким путем вырвал у «совета крупных феодалов» и сословий согласие на предоставление ему чрезвычайных полномочий и новые репрессии против боярской оппозиции.²¹

Указ об опричнине (февраль 1565 г.) предусматривал образование в государстве «опричнины», организованной по типу удельного княжества и находившейся в личном владении царя. Опричнина имела «особный» двор, войско, финансы и обширную территорию. По существу она стала своеобразным государством в государстве, или точнее государством над государством. Опричное правительство было облечено исключительно широкими полицейскими функциями, которые позволяли ему контролировать всю земщину. В то же время в опричнине царь освободился от традиционной опеки со стороны Боярской думы и князей церкви. Репрессии опричнины должны были доставить монархии перевес над политическими притязаниями могущественной феодальной аристократии, а заодно покончить с дворянской фрондой.

Репрессии и земельные экспроприации опричнины служили главным средством разрешения возникшего конфликта. Исследование земельной политики опричного правительства имеет, пожалуй, наиболее важное значение для понимания целей и содер-

²¹ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 г. В кн.: Вопросы истории СССР в XVI—XVIII вв. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 278, Л., 1965.

жания опричнины в целом. С. Ф. Платонов приписывал опричнине «систематическую ломку», разгром крупного княжеско-вотчинного землевладения. Он исходил при этом из предположения, что в опричнину были зачислены основные центры княжеского землевладения.²² С. Б. Веселовский показал несостоятельность этой концепции и установил, что в опричнину вошли по преимуществу уезды с развитым поместным землевладением.²³ С. Б. Веселовский первым проанализировал данные о ссылке княжат и дворян в Казанский край после провозглашения опричнины и составил список казанских ссыльных, насчитывавший 58 человек. Он утверждал, что в подавляющем большинстве ссыльные дворяне принадлежали к низшим слоям государева двора, и на этом основании сделал вывод о том, что для царя учреждение опричнины было разрывом не с одними княжатами и боярами, а со всем старым двором и дворянством вообще.²⁴ Подобный вывод был тем более парадоксален, что среди названных С. Б. Веселовским ссыльных по крайней мере 26 лиц имели княжеский титул.²⁵ Изыскания С. Б. Веселовского о казанской ссылке, сделанные в виде чернового наброска в 1945 г., увидели свет только в 1963 г. в связи с изданием его «Исследований по истории опричнины».

За три года до публикации названного труда нам удалось независимо от С. Б. Веселовского реконструировать указ Грозного о казанской ссылке и на основании хранящихся в архиве Казанских писцовых книг составить полные списки (более 170—180 имен) дворян, сосланных в Казанский край при учреждении опричнины, а также доказать тот кардинальный факт, что ссылка опальных княжат сопровождалась массовой конфискацией княжеско-вотчинного землевладения. Нас интересовал вопрос о казанской ссылке с точки зрения поземельной политики в первую очередь. В работе С. Б. Веселовского этот вопрос остался неисследованным. Главнейшие результаты наших изысканий изложены в статье «Опричная земельная реформа Грозного 1565 года», опубликованной в 1961 г. в «Исторических записках».

Опричнина завершила разгром боярского рода князей Оболенских, игравших выдающуюся роль в Боярской думе в период Избранной рады.²⁶ Но главные ее удары были направлены про-

²² С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., М., 1937, стр. 110.

²³ С. Б. Веселовский. Исследования..., стр. 156—185, 30—31.

²⁴ Там же, стр. 154—155.

²⁵ Там же, стр. 24—28.

²⁶ Опричники заточили в монастырь боярина князя Д. И. Ерша-Немого, казнили крамчеху П. И. Горенского и его братьев П. Ф. и А. Ф. Черных, а также знатных воевод И. И. Кашина, Д. Ф. Щелина-Шевырева и А. В. Ногтева, сослали в Казань В. Б. Тюфякина с двумя сыновьями (см.: Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. Исторические записки, т. 70, стр. 241—242).

тив потомков владими́ро-суздальской великокняжеской династии (князей Суздальских и их младших сородичей князей Ростовских, Ярославских и Стародубских), сидевших крупными гнездами на территории некогда принадлежавших им княжеств.

Старшее поколение Суздальских князей, выдвинувшееся в годы боярского правления, почти целиком сошло со сцены к середине 60-х годов. Единственным его представителем оставался князь А. Б. Горбатый, прославленный воевода, стяжавший лавры покорителя Казани. Участник боярских смут 40-х годов, он был одним из главных покровителей Спльвестра в последующее время. После отставки Спльвестра Горбатый стал признанным вождем оппозиции в Боярской думе. В силу знатности, богатства и родственных связей семья Горбатов принадлежала к самому верхнему слою правящего боярства. После провозглашения опричнины боярин князь А. Б. Горбатый и его пятнадцатилетний сын были казнены, а их обширные владения в Суздале перешли в казну.²⁷ Младший родственник Горбатов боярин князь А. И. Нохтев был вскоре же переведен на службу в Старицкий удел. Таким образом, опричное правительство не только обезглавило Суздальскую знать, но и добилось полного изгнания Шуйских из Боярской думы в первые же месяцы опричнины.²⁸

Примерно в то же время опричники казнили бывшего боярина князя С. В. Ростовского и сослали на поселение боярина князя А. И. Катырева и около двух десятков других Ростовских княжат. Подобно Шуйским, князья Ростовские были фактически изгнаны из Боярской думы.²⁹

По указу Грозного в Казанский край было сослано до 60—70 лиц из рода Ярославских и Стародубских князей, а их богатейшие вотчины конфискованы в казну. Стародубские князья полностью утратили представительство в Боярской думе. Из Ярославских князей в думе остался лишь боярин князь В. А. Сицкий, близкий родственник царя и Захарьиных.³⁰

Помимо ростово-суздальской знати опричные репрессии затронули также удельную аристократию, сторомосковское боярство и верхи дворянства. Опричное правительство подвергло кратковременному аресту члена регентского совета И. П. Яковлева-Захарьина. Никто из бояр Юрьевых-Захарьиных не был принят в опричину. Эти факты показывают, что влияние Захарьиных в этот момент ослабло. Опричники казнили окольного П. П. Головина, отправили в ссылку окольного М. М. Лыкова и нескольких Шейных-Морозовых и Даниловых,

²⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 395; ДДГ, стр. 443.

²⁸ Старший из Шуйских кн. Иван Андреевич получил боярский титул и вошел в думу лишь в 1571 г., т. е. в конце опричнины (Разряды, лл. 359, 369).

²⁹ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа. . ., стр. 243—244.

³⁰ Там же, стр. 245—247.

заключили в тюрьму боярина В. В. Морозова и т. д. Гонениям подверглись ближайшие родственники Старицких бояре И. А. и П. А. Куракины. На втором году существования опричнины правительство отобрало у князя Владимира Андреевича Старицкий удел и предоставило ему взамен примерно равноценный Дмитровский удел.

В целом репрессии опричнины против удельной знати, старомосковского боярства и отдельных групп дворянства имели весьма ограниченное значение и не шли ни в какое сравнение с репрессиями против суздальской знати.

По существу опричнина была делом узкого круга лиц, в котором руководящую роль играла старомосковская знать. В первые годы опричнины в состав опричной думы входили бояре А. Д. Басманов и З. И. Очин Плещеевы, кравчий Ф. А. Басманов, оружничий А. Вяземский, ясельничий П. В. Зайцев и, возможно, постельничий В. Ф. Наумов.³¹ На втором году опричнины членами опричной думы стали боярин Ф. И. Умной и окольный В. И. Умной из боярского рода Колычевых.³² Значительно позже, в конце 60-х годов, опричниками стали дворецкий боярин Л. А. Морозов-Салтыков, боярин И. А. Чеботов, боярин И. А. Бутурлин, окольный Д. А. Бутурлин и т. д.³³ Особое положение в опричной думе занимал кружок царской родни, в который входили царский шурин князь М. Т. Черкасский, а также дядя царевича Ивана бояре В. П. Яковлев и князь В. А. Сицкий.³⁴

Такие представители высшей титулованной знати, как боярин князь В. И. Темкин-Ростовский и окольный князь Д. И. Хворостинин, вошли в опричную думу лишь в самом конце 60-х годов.³⁵

³¹ З. И. Очин стал опричным боярином после возвращения из литовского плена в 1566 г. (СГГД, ч. I, стр. 560). Он был первым лицом, получившим высший думный чин из опричнины.

³² Братья Колычевы не участвовали в учреждении опричнины и служили в 1565 г. земскими воеводами (Разряды, лл. 318, 320, 321, 326 об.). Ф. И. Умной получил титул «наместника суздальского» в 1566 г. В. И. Умной служил в опричной армии в 1567 г. (Сб. РИО, т. 71, СПб., 1892, стр. 418; Разряды, л. 340).

³³ Первые сведения об их службе в опричнине относятся к 1569—1570 гг. (Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 341; Разряды, лл. 361 об., 364 об.; см. также: В. Б. К о б р и н. Состав опричного двора Ивана Грозного. Археографический ежегодник за 1959 г., М., 1960, стр. 70, 71; А. А. З и м и н. Опричнина. . . , Прилож., стр. 481).

³⁴ «Удельный» князь Черкасский формально значился главой опричной думы и первым дворовым воеводой (Разряды, л. 340 об.). Он был призван в Москву мальчиком за семь лет до опричнины, плохо знал московские обычаи и не пользовался большим влиянием на дела управления.

Дворецкий В. П. Яковлев стоял в опричной иерархии несколькими ступенями ниже царского дворецкого Л. А. Салтыкова. Князь В. А. Сицкий уступал в местнических спорах последнему из опричных бояр И. А. Бутурлину (Разряды, л. 477 об.).

³⁵ В. Б. К о б р и н. Состав опричного двора, стр. 70; Разряды, лл. 349, 353 об.

В известном смысле введение опричнины знаменовало собой крушение княжеско-боярского землевладения, последствия которого не могли быть ликвидированы никакими последующими амнистиями опальных княжат.

Нет сомнения в том, что опричная политика в своем первоначальном виде имела четко выраженную антикняжескую направленность. Но вопреки весьма распространенному взгляду опричнина никогда не была последовательной политикой с едиными принципами, неизменными на протяжении всего ее существования. Напротив, ее развитие отмечено многими поворотами и противоречиями.

Репрессии и земельные конфискации вызвали столь сильное негодование в среде правящего боярства, что правительство вынуждено было отказаться от непопулярного курса уже через год после учреждения опричнины. Оно вернуло из ссылки удельного князя М. И. Воротынского и восстановило крупнейшее Новосильско-Одоевское удельное княжество. Вслед за тем царь объявил о «прощении» казанских ссыльных и вернул из мест поселения многих опальных княжат. Некоторым из них удалось вернуть себе родовые земли, нередко полуразоренные. Подобные мероприятия знаменовали собой крупнейший поворот в истории опричнины. Обусловлен он был многими обстоятельствами. Прежде всего монархия не могла длительное время проводить политику, которая шла вразрез с интересами могущественной феодальной аристократии. Для этого она не обладала ни достаточной самостоятельностью, ни достаточным аппаратом насилия. Даже с точки зрения правительства, репрессии и казанское переселение достигли основной цели, подорвав влияние и богатство фрондирующей титулованной знати. Наконец, опричное правительство могло осуществлять свою политику до той лишь поры, пока его мероприятия пользовались достаточной поддержкой со стороны старомосковской знати и дворянства в целом. Между тем опричная политика пришла в столкновение с интересами влиятельных сил земщины. Опричной политикой были недовольны не одни только жертвы опричных репрессий. Глубокое негодование в среде земского дворянства вызывали произвольные конфискации дворянских земельных владений в опричных уездах, совершенно незаконные с точки зрения феодального права, угроза распространения опричных порядков на любой из уездов земщины, возмутительные привилегии «кромешников», их насилия и полная безнаказанность.

Летом 1566 г. члены созданного в Москве Земского собора открыто потребовали упразднения ненавистных опричных порядков. Высшей курией Земского собора, определявшей всю его работу, была Боярская дума. Ее состав дает весьма точное представление о правительстве земщины в тот период. Безраздельным влиянием в думе пользовалась старомосковская знать и тесно

связанная с ней высшая приказная бюрократия (15 бояр и окольничих и 10 думных дьяков). Удельная знать была представлена тремя лицами, зато суздальская вовсе не имела представителей в думе, а из прочей титулованной знати в думе заседали только двое лучших воевод.³⁶

Наибольшим политическим весом в земщине обладали две боярские группировки: первую из них возглавляли Захарьины, вторую — конюший И. П. Федоров-Челяднин. Захарьины не участвовали в поручительстве за опальных, даже когда аресту подверглись их ближайшие родственники Шереметевы.

Совершенно иной была позиция конюшего И. П. Федорова. Именно он возглавил ту группировку в Боярской думе, которая добилась освобождения И. В. Большого Шереметева, взяла на поруки И. П. Яковлева-Захарьина и князя М. И. Воротынского. По-видимому, поддержка этой наиболее влиятельной группировки позволила Ф. Колычеву выставить требование об упразднении опричных порядков и обеспечила его избрание на митрополичий престол. После выступления оппозиции казни подверглись трое дворян, в их числе К. С. Бундов и И. М. Карамышев. Бундов происходил из худародной дворянской семьи, издавна служившей в Конюшенном приказе.³⁷ С тем же приказом связаны были, возможно, и Карамышевы.³⁸ Карьера самого И. П. Федорова оборвалась после Земского собора. Вскоре же он был отправлен в почетную ссылку на воеводство в Полоцк.³⁹

Выступление влиятельного старомосковского боярства и дворянских верхов, составлявших самую прочную и глубокую опору монархии, сузило политическую базу правительства Грозного. Стремясь преодолеть кризис и упрочить свои позиции, монархия прибегла к массовому террору. Начался второй период в истории опричнины.

Прежде всего власти значительно расширили территорию опричнины, включив в ее состав обширный Костромской уезд (начало 1567 г.), в результате чего численность опричного дворянского войска значительно увеличилась. В течение полугода в опричной половине Москвы за Неглинной был воздвигнут сильно укрепленный замок, новая резиденция царя.⁴⁰ Перенесение царской резиденции из Кремля «за город» вызвало всевоз-

³⁶ СГГД, ч. I, № 192, стр. 545—556.

³⁷ См.: Д. Н. Альшиц. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. Исторический архив, т. IV, 1949, стр. 42—43.

³⁸ Видную роль в ведомстве конюших Челяднинных в конце XV в. играли А. В. и В. В. Карамышевы (Разряды, л. 13 об.).

³⁹ Разряды, лл. 333 об., 336.

⁴⁰ Сооружение замка началось летом 1566 г., а 12 января 1567 г. царь переехал жить на свой новый двор (ПСРЛ, т. XIII, стр. 401, 406; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, стр. 107—109; далее: Г. Штаден. Записки).

можные толки, ввиду чего царь приказал сделать официальное разъяснение на этот счет за рубежом.⁴¹ Одновременно с сооружением замка в Москве, началось сооружение мощной крепости в Вологде на наибольшем удалении от границ в труднодоступных лесных местах.⁴² Все эти военные приготовления не имели ничего общего с обороной страны от внешних врагов. Они с полной очевидностью показывали, что царь и его опричная дума опасались внутренней смуты и готовились вооруженной рукой раздавить мятеж могущественных земских вассалов, роптавших на опричнину.

Призрак смуты породил в душе царя тревогу за собственную безопасность и вернул его к мысли о вторичном отречении от престола. Во время одного из посещений Кирилло-Белозерского монастыря Грозный призвал к себе игумена Кирилла и нескольких других монахов и поведал им о своем желании принять монашество. Царь уверял старцев, что если ему действительно суждено будет постричься, то он изберет себе именно Кирилло-Белозерский монастырь.⁴³ В 1573 г. царь напомнил кирилловским монахам содержание своей давней беседы с игуменом Кириллом. Установить время обращения Грозного в Кириллов помогают следующие факты. Известно, что в игуменство Кирилла царь трижды был на Белоозере: первый раз в 1565 г., затем в 1567 и 1569 гг.⁴⁴ Во время второго посещения в 1567 г. Иван пожертвовал монастырю 200 рублей, с тем чтобы монастырские власти устроили для него отдельную келью в стенах обители.⁴⁵ Позже Иван прислал в Кириллов драгоценную утварь, иконы и кресты для украшения своей кельи.⁴⁶ Пожертвование на келью в 1567 г. было, по-видимому, прямым результатом «сокровенной беседы» царя со старцами.

Несмотря на все старания сохранить в тайне содержание кирилловской беседы, слухи о возможном пострижении царя проникли в земщину и произвели там сильное впечатление. Пострижение Грозного и замена его на престоле кем-нибудь из его родственников казалась недовольному земскому боярству лучшим выходом из создавшегося положения. В качестве преемника Грозного все чаще называли его двоюродного брата князя В. А. Старицкого.

⁴¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 464—465.

⁴² ПСРЛ, т. XIII, стр. 407; Н. В. Фалин. Вологодская крепость в XVII веке. Север, № 1 (5), Вологда, 1924, стр. 5; А. А. Засецкий. Исторические и топографические известия о Вологде. М., 1780, стр. 59.

⁴³ Послания Ивана Грозного, стр. 163—164.

⁴⁴ См.: ПСРЛ, т. XIII, стр. 400, 407, см. также: Я. С. Лурье. Комментарии. В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 633.

⁴⁵ Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря. Зап. Отд. русск. п. славянск. археологии, т. I, СПб., 1851, стр. 88—89.

⁴⁶ См.: Описание древностей Кирилло-Белозерского монастыря. ЧОИДР, 1859, кн. 3, отд. I, стр. 89.

Глубокий раздор между царем и Боярской думой и слухи о возможном отречении Грозного поставили государство на порог нового династического кризиса. Разрешение его зависело в значительной мере от позиции старомосковской знати, а точнее наиболее влиятельных ее группировок.

Царя не на шутку пугали толки о боярском «заговоре» в пользу Старицкого. Он не надеялся более на силу опричных крепостей и всерьез стал подумывать о бегстве с семьей за границу. Во время тайных переговоров с послом А. Дженкинсоном осенью 1567 г. царь просил английское правительство в случае «беды» предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей жизни».⁴⁷ Несмотря на все усилия царя сохранить в тайне переговоры с англичанами, сведения о них проникли в земщину. Неуверенность и малодушие Грозного ободрили недовольные элементы земщины и вызвали замешательство в среде опричников, прекрасно понимавших, что ждет их в случае смуты и бегства царя.

В такой обстановке и возникло так называемое дело о «заговоре» Старицких, продолжавшееся более трех лет (1568—1570 гг.). Сфабрикованный в недрах опричного сыскального ведомства, этот чудовищный процесс стал основным стержнем политической истории опричнины в период массового террора. Характерно, что власти искали приверженцев Старицкого в первую очередь среди старомосковских бояр и связанных с ними руководителей церкви, высших приказных чинов и дворян.

Первые сведения о «заговоре» конюшего И. П. Федорова царь получил во время похода в Ливонию глубокой осенью 1567 г. Донос исходил от самого Старицкого, пытавшегося спасти себе жизнь ценой предательства. Бросив армию на границе, Грозный поспешно вернулся в Москву. Опричники разгромили вотчины конюшего И. П. Федорова и казнили многих его приверженцев. Однако развязка «дела» о заговоре в земщине надолго затянулась вследствие выступления влиятельной церковной верхушки.⁴⁸ 22 марта 1568 г. митрополит Филипп Колычев во время богослужения в Успенском соборе решительно потребовал от царя прекращения кровавых репрессий.⁴⁹ Инцидент, происшедший во

⁴⁷ Ю. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, стр. 40. — В последующее время в Вологде были выстроены специальные суда, на которых царская семья могла бы выехать в случае опасности в «поморские страны» (см.: А. А. Засецкий. Исторические и топографические известия о Вологде, стр. 60; Д. Горсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 35).

⁴⁸ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 г. Раздел: Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 278, Л., 1965, стр. 37—42. (Далее: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных).

⁴⁹ Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 98.

время крестного хода в Новодевичьем монастыре 28 июля 1568 г., привел к окончательному разрыву между митрополитом и царем.⁵⁰ Колычев удалился в монастырь Николая Старого, но при этом оказался сложить с себя митрополичий сан. В своих действиях церковная оппозиция опиралась не только на громадный в те времена моральный авторитет церкви. По существу она выступила как выразитель настроений всей земской оппозиции, объединявшей недовольное боярство и фрондирующих дворян. Для правильной оценки церковной оппозиции и опричных репрессий против церкви этот факт имеет решающее значение. Между тем даже новейшие исследователи опричнины С. Б. Веселовский и А. А. Зимин игнорируют прямую связь между «делом» конюшего И. П. Федорова и выступлением митрополита Филиппа Колычева.

Полный и окончательный разрыв с главою церкви ставил Грозного в крайне трудное положение. Выход был найден в новых репрессиях. В сентябре 1568 г. специальная опрично-духовная комиссия приступила к расследованию «преступлений» Ф. Колычева, совершенных им в бытность соловецким игуменом. В те же дни царь в присутствии Боярской думы и многочисленных дворянских представителей устроил «суд» над конюшим Федоровым. После позорного фарса конюший был убит (11 сентября 1568 г.).⁵¹ Из-за недостатка улики и по некоторым другим причинам суд над Филиппом Колычевым состоялся лишь в начале ноября того же года. Опальный митрополит был низложен и отправлен на вечное заточение в тверской Отроч-монастырь.⁵²

Главными жертвами дела о «заговоре» в земщине были виднейшие члены Боярской думы — конюший И. П. Федоров, окольник М. И. Колычев и М. М. Лыков, государственный казначей Х. Ю. Тюгин, а также видные земские воеводы А. И. Шени-Морозов, Ф. А. Карпов, М. А. Карпов, И. Б. Колычев, В. Колычев и десятки других дворян.⁵³

Прямым продолжением суда над конюшим Федоровым было новгородское «изменное» дело, зародившееся в недрах опричного сыскного ведомства вскоре после казни конюшего. Предательство не спасло удельного князя Старицкого. В октябре 1569 г. он был казнен вместе с матерью и другими членами

⁵⁰ Житие Филиппа митрополита. ГПБ, ОР, Соловецкое собр., № 1073/963, л. 77; Новгородские летописи, стр. 98.

⁵¹ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных, стр. 41.

⁵² Новгородские летописи, стр. 98; Послание И. Таубе и Э. Крузе. Русский исторический журнал, вып. 8, Пгр., 1922, стр. 44; РИБ, т. XXXI, стр. 313—314.

⁵³ По «делу» Федорова казнены были боярин кн. А. И. Катывев, трое князей Хохолковых, князя В. К. Курлятев, Ф. И. Троекуров и Ф. Сысоев. Но в целом титулованная знать пострадала значительно меньше, чем в начале опричнины. Среди сотен казненных в то время людей на ее долю приходились единицы (см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных, стр. 68—71).

семьи. Казнь Старицких не была вызвана единственно стремлением правительства раз и навсегда покопчить с крупнейшим удельным княжеством в стране. Царь Иван пощадил наследника удела княжича Василия Старицкого и позже вернул ему отцовские владения.⁵⁴

Реконструкция синодика опальных позволила установить тот весьма интересный факт, что центральной фигурой новгородского процесса был видный земский боярин В. Д. Данилов, участник Земского собора 1566 г. и сподвижник конюшего И. П. Федорова. Во время карательного похода на Новгород опричники казнили боярина В. Д. Данилова, знатных новгородских дворян В. А. Бутурлина, Г. Воронова-Волынского, нескольких Плещеевых, главного новгородского дьяка А. В. Безсонова, нескольких архиепископских дворян, многих новгородских подьячих и т. д.⁵⁵ Опричники подвергли дикому погрому Тверь, Новгород и отчасти Псков. Во время погрома погибло до двух-трех, а возможно, и четырех тысяч человек. Основную их массу составляли лица, принадлежавшие к социальным низам и показанные в синодике безымянно. Помимо того, опричники истребили множество литовских пленных, переселенных в Новгородскую землю из Полоцка.

В истории кровавых подвигов опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного новгородского населения навсегда сделали понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

Архиепископ Пимен, оказавший царю важные услуги во время суда над митрополитом Филиппом, был неизменно лоялен по отношению к опричнине. Поэтому-то новгородское измененное дело (инициатором которого был глава сыскного ведомства Малюта Скуратов) вызвало серьезное беспокойство у наиболее авторитетных руководителей опричнины. Опричный оружничий князь А. Вяземский пытался тайно предупредить Пимена о грозившей ему беде. Когда это открылось, он был объявлен сообщником Пимена и подвергнут опале. Главный руководитель опричнины боярин А. Д. Басманов не участвовал в походе на Новгород и также был обвинен в сообщничестве с новгородским архиепископом.

Руководители земской Боярской думы восприняли известие о кровавом погроме Новгорода со страхом и негодованием.

⁵⁴ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Опричнина и последние удельные княжения на Руси. Исторические записки, т. 76, стр. 159—160.

⁵⁵ При разгроме Новгорода опричники казнили кн. А. Бычкова-Ростовского и двух-трех других представителей высшей знати. По некоторым сведениям, несколько раньше погиб боярин И. И. Пшонский. Но в синодике его имя отсутствует, что заставляет предположить, что он был убит вне связи с новгородским делом.

Никто не знал, чья очередь наступит завтра. Некоторые из членов земского руководства пытались протестовать против репрессий. Печатник И. М. Висковатый просил царя не проливать столько крови и прекратить истереблять своих бояр.⁵⁶ По существу, Висковатый выразил вслух настроение наиболее влиятельного в земщине боярского кружка Захарьиных и Шереметева, с которым он был тесно связан многие годы. Ходатайство думного дьяка привело Грозного в ярость. «Я вас еще не истребил, а едва только начал, — заявил царь, — но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось».⁵⁷

Изменные «дела» конюшего Федорова, боярина Данилова и архиепископа Пимена бросили тень подозрения на все земское правительство. Царь перестал доверять даже ближайшим своим родственникам. Но более всего он опасался, что крамольное боярство попытается использовать в качестве орудия своих интриг наследника престола царевича Ивана. Царевичу едва минуло 17 лет и при его дворе всеми делами заправляли его дядя бояре Яковлевы и Юрьев. Главным боярином и дворецким царевича был В. П. Яковлев-Захарьин. Возможно, что Захарьины действительно пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы таким путем хоть немного образумить Грозного и положить предел чудовищному террору. Подобные попытки неизбежно углубили раздор в царской семье.⁵⁸

3 января 1571 г. папский посол Портико, находившийся в Варшаве и ждавший благоприятного момента для поездки в Москву, отправил в Рим интересные сведения, составленные на основании показаний только что прибывшего из России человека. Можно полагать, что все эти сведения были записаны Портико со слов Шлихтинга и что, таким образом, мы имеем возможность пополнить «Сказания» Шлихтинга исключительно важными фактами, которые сам он старательно замалчивал в мемуарах, написанных по поручению польских дипломатов. В пользу нашего предположения свидетельствуют следующие факты. Во-первых, Шлихтинг бежал в Польшу в самом конце 1570 г., письмо же папского посла датировано 3 января 1571 г.

⁵⁶ А. Шлихтинг. Новое известие... стр. 62.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Подозрения царя насчет тайных интриг стоявшего за спиной царевича боярского кружка были настолько велики, что в июне 1570 г. он во всеуслышанье заявил о своем намерении лишить прав на престол царевича Ивана и сделать наследником своего нового вассала ливонского «короля» Магнуса. «...ваша светлость», — заявил он, обращаясь к «королю», — когда меня не стапет, будет моим наследником и государем моей страны и я так искореню и приижу моих неверных подданных, что попру их ногами» (Ю. Н. Щербачев. Колленгагенские акты. ЧОИДР, М., 1916, кн. 2, отд. III, стр. 34). Опрометчивое заявление царя, сделанное в присутствии Боярской думы и иностранных послов, вызвало сильное раздражение в ближайшем окружении наследника, и в особенности среди Захарьиных.

Во-вторых, и письмо Портико, и первая письменная записка Шлихтинга («Новости из Московии») начинаются с сообщения о задержке московских послов из-за мора и т. д. В-третьих, московский беглец сообщил подробности, которые могли быть известны лишь человеку, близкому ко двору и хорошо осведомленному относительно семейных дел царя, но именно таким лицом был Шлихтинг, слуга и переводчик царского лейб-медика. По-видимому, именно Шлихтинг сообщил Портико, что раздор в царской семье привел к открытому разрыву между царем и наследником и что на стороне последнего выступили многие влиятельные и знатные лица: «Между отцом (царем Иваном, — *P. C.*) и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие — к сыну, и сила в оружии».⁵⁹

Открытое выступление Висковатого против опричных репрессий стоило ему жизни. Печатник и его ближайшие сподвижники государственный казначей Н. А. Фуников, думный дьяк В. Степанов и руководители некоторых других земских приказов были «присоединены» к новгородскому изменному делу и казнены в июле 1570 г. Эта мера была первым шагом к полному разгрому боярского кружка Захарьиных и Шереметева. В первой половине 1571 г. опричники казнили боярина С. В. Яковлева-Захарьина как сообщника Пимена. Вслед за тем были забиты палками бояре И. П. и В. П. Яковлевы. Боярин И. В. Большой Шереметев ушел в монастырь, спасаясь от верной гибели. Из всего кружка Захарьиных к концу опричнины уцелел лишь младший из бояр Захарьиных Н. Р. Юрьев.

Чудовищный новгородский процесс явился делом авантюристских элементов опричной думы в лице М. Скуратова и В. Грязного, руководивших сыскным ведомством опричнины. Они получили думные чины и вошли в опричное правительство после разгрома вотчин Федорова и «разоблачения» новгородцев.⁶⁰ Раскрытие «измены» позволило им устранить наиболее авторитетных вождей опричной думы (А. Д. Басманов, Ф. А. Басманов, А. Вяземский, Л. А. Салтыков, И. Я. Чеботов и др.) и свалить правительство земщины (Захарьины, Шереметев, Висковатый и т. д.).

В самые последние годы опричнины произошло полное обновление состава опричной думы. В нее вошли: бояре князья П. Д. Пронский (февраль 1571 г.) и его брат С. Д. Пронский (получил боярство из опричнины к концу того же года), удель-

⁵⁹ Е. Ф. Шмурло. Россия и Италия, т. II, вып. 2. СПб., 1913, стр. 230.

⁶⁰ В конце третьего года опричнины М. Скуратов и В. Грязной не имели думных чинов и занимали сравнительно невысокое служебное положение третьих голов в царском полку (Разряды, л. 340). В 1570 г. они участвовали в заседании Боярской думы в качестве думных дворян (Сб. РИО, т. 71, стр. 666).

ные князя Ф. М. Трубецкой и Н. Р. Одоевский (получили боярство в опричнине в 1571 г.), окольничие Н. В. Борисов (опричник с 1570 г.) и князь О. М. Щербатый-Оболенский (получил чин опричного окольничего в 1572 г.).⁶¹ Накануне полной отмены опричнины номинальным главой опричной думы стал князь И. А. Шуйский.⁶² Появление высшей титулованной знати в составе опричного правительства следует связывать в первую очередь с начавшейся реорганизацией опричнины. Подготавливая почву для расправы со старой опричной гвардией и для полной ликвидации опричнины, царь старался обеспечить себе поддержку тех сил, которые страдали от опричных порядков. По существу опричнина была ликвидирована руками «новой» опричной знати.

* * *

В. И. Ленин определял политический строй России в XVII в. как самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией.⁶³ Подобным же образом можно характеризовать Русское государство XVI в., с тем лишь различием, что в XVI в. феодальная знать располагала еще большими земельными богатствами и политическим весом, нежели в XVII в. Самодержавие было официальной доктриной и в известном смысле политической формой централизованной монархии XVI в., хотя глава государства в то время по существу не обладал неограниченной самодержавной властью. Монарх управлял страной совместно с «советом крупных феодалов», Боярской думой и князьями церкви. Неокрепшая монархия вынуждена была делить власть с могущественной боярской аристократией.

При учреждении опричнины Грозный объявил, что передаст земской Боярской думе все управление Московским царством, «воинство и суд и управу», за исключением «великих» ратных и земских дел, которые решать будут «государь з бояры».⁶⁴ Не верно было бы думать, будто царский указ расширил права

⁶¹ Кн. П. Д. Пронский управлял земским Новгородом в 1569—1570 гг. После зачисления части Новгородской земли в опричнину он перешел на опричную половину и возглавил новую администрацию Новгорода (см.: Новгородские летописи, стр. 105). О пожаловании думных чинов другим членам опричной думы см.: Разряды, лл. 374 об., 372, 359, 364 об., 458; СГГД, ч. I, стр. 561—562.

⁶² В. Б. Кобрин не включил кн. И. А. Шуйского в списки Опричного двора и высказал мнение, что его служба в опричнине слишком гипотетична (см.: В. Б. Кобрин. Состав опричного двора..., стр. 91). Весенний разряд 1572 г. не оставляет сомнений насчет службы Шуйского в опричнине — «Бояре ис опричнины»: кн. И. А. Шуйский, князь П. Д. и С. Д. Пронские, кн. В. А. Сицкий и т. д. (Разряды, л. 458). Младший родственник Шуйских кн. В. И. Барбашин-Суздальский стал опричником еще в 1570 г. (там же, лл. 359, 363).

⁶³ В. И. Ленин, ПИС, т. 17, стр. 346.

⁶⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 395.

и полномочия Боярской думы. В действительности он лишь формально определил компетенцию думы в полном соответствии с традициями и обычаями государства. Боярская дума на протяжении всего XVI в. была высшим государственным органом в стране. Наряду с монархом бояре и Боярская дума осуществляли функции высшей законодательной, судебной и исполнительной власти в стране. Важнейшие законодательные решения облекались в следующую форму: «Государь указал, а бояре приговорили». До середины XVI в. Боярская дума оставалась органом аристократии, представлявшим исключительно верхи феодальной знати. Через думу аристократия прочно держала в своих руках все нити государственного управления. Без ее санкции правительство не могло издавать законы, решать вопросы о начале войны и заключении мира.

В юридическом плане введение опричнины не отразилось на компетенции и правах Боярской думы. На практике же вышло иначе. В опричнине царь получил неограниченные полномочия на проведение репрессий против дворян и членов думы, на земельные конфискации и прочие мероприятия, которые в обычных условиях не могли быть осуществлены без согласия на то «совета крупных феодалов». В опричнине царь избавился от обычной опеки со стороны думы и высшего духовенства, князей церкви.

Формально опричнина не посягала на права и полномочия Боярской думы, но фактически она весьма существенно ограничила ее компетенцию, прежде всего в сфере внутреннего управления.

Издавна в отсутствие царя или великого князя Боярская дума полновластно управляла столицей и всеми делами государства. В этом заключалась одна из важных прерогатив думы. Как можно установить на основании книг Разрядного приказа, для управления столицей дума выделяла из своего состава специальную комиссию, которую возглавляли обычно семеро бояр.⁶⁵ (Отсюда «седемочисленные бояре», «семибоярщина» во время междуцарствия в начале XVII в.).

При Избранной раде руководство семибоярщиной осуществляла титулованная знать, князья Шуйские, Оболенские и т. д. В период опричнины княжата были изгнаны из московской боярской комиссии, целиком составлявшейся теперь из нетитулованных старомосковских бояр (Челядин, Шереметев и т. д.). В первые годы опричнины царь сократил семибоярщину, а затем бояре и вовсе были удалены из московской комиссии. Так, в 1565 г.

⁶⁵ Управление Москвой осуществляли 7 бояр и 3 окольничих в 1553 г.; 7 бояр, 1 окольничий и 1 дворецкий в 1556 г.; 7 бояр и 4 окольничих в 1558 г.; 7 бояр и 2 окольничих в 1565 г. (Разряды, лл. 202, 233, 261, 331). В отдельных случаях в состав московской комиссии входило 5 бояр и 2 окольничих в 1555 г.; 6 бояр (один из удела) и 2 окольничих в 1562 г. (Разряды, л. 225; ПСРЛ, т. XIII, стр. 341).

Москвой «ведали» 7 бояр и 2 окольных, в 1567 г. — 2 бояр и 3 окольных, в 1570 г. — всего лишь 2 бояр.⁶⁶ С осени 1570 г. бояре не участвовали в управлении столицей: в то время царь назначил в московскую комиссию казначея князя В. В. Мосальского, печатника Б. И. Сукина и приказных людей.⁶⁷ Весной 1572 г. столицей вновь «ведали» приказные люди, а кроме них, «для осады» там остались воеводы князя Ю. И. Токмаков и Т. Долгорукий, не состоявшие в Боярской думе.⁶⁸ Таким образом, в последние годы опричнины Грозный упразднил «семибоярщину». Вместе с нею была ликвидирована одна из самых важных привилегий Боярской думы.

В период опричнины Боярская дума продолжала осуществлять руководство центральным приказным аппаратом. Штаден, отлично осведомленный насчет московских порядков, рассказывал на этот счет следующее: «В каждом судном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин, и что приказывал он дьяку писать, тот так и писал».⁶⁹ Наиболее важные дела решались, однако, не в приказах, а непосредственно в Боярской думе. «О больших делах» дьяки были обязаны «приходить» к боярам.

Дума не имела особой канцелярии, но лишь по той простой причине, что все ее делопроизводство велось в главных приказах, там же хранились ее архивы.⁷⁰ Приказы служили как бы обширной, разветвленной канцелярией думы. Периодически дума создавала особые комиссии для проведения дворянских смотров, поместной разверстки, решения земельных тяжб.

По традиции члены думы непосредственно возглавляли такие важнейшие приказы, как Конюшенный приказ и Большой дворец. Стоявшие во главе Конюшенного приказа «конюшие бояре» занимали наивысшее положение в иерархии старомосковских чинов. После казни боярина И. П. Федорова-Челяднина должность конюшего была фактически упразднена, а все управление приказом перешло к ясельничим из дворян. Результатом было известное ограничение непосредственного контроля думы за приказным аппаратом.

После Полоцкого похода и поворота к политике репрессий правительство допустило значительные отступления от традиционной практики назначения членов Боярской думы. Вследствие

⁶⁶ Разряды, лл. 331, 338, 357.

⁶⁷ А. Шлихтинг. Новое известие... стр. 59.

⁶⁸ Разряды, л. 460.

⁶⁹ См.: Г. Штаден. Записки, стр. 79.

⁷⁰ «В историографии принято употреблять выражение „Боярская дума“ в смысле известного учреждения. Правда, было хорошо известно, что у так называемой Боярской думы не было своей канцелярии, постоянного штата служащих и архива решенных дел, что называть Боярскую думу учреждением можно только с большими оговорками...» (С. Б. Веселовский. Исследования... стр. 140).

раздора царя с боярством, назначения новых членов в думу резко сократились. В первые четыре года опричнины назначения в думу производились крайне нерегулярно и не могли восполнить естественной убыли ее членов. Только после отставки А. Д. Басманова и полной отмены опричнины были проведены новые массовые назначения в Боярскую думу.

Накануне опричнины и в период господства опричных порядков монархия подвергла боярство подлинному террору. К концу опричнины Боярская дума лишилась почти всех авторитетнейших вождей. Из членов думы, получивших думные титулы до Полоцкого похода 1563 г., к концу опричнины уцелели лишь единицы, в том числе удельные князья И. Ф. Мстиславский и М. И. Воротынский, бояре Н. Р. Юрьев-Захарьин, И. В. Меньшой Шереметев, М. Я. Морозов, П. В. Морозов, Ф. И. Умой и окольный В. И. Умой.⁷¹ Опричнину пережили только двое «старых» бояр, представлявших в думе суздальскую и ярославскую знать. Ими были князья А. И. Нохтев-Суздальский и В. А. Спцкий-Ярославский. Но они принадлежали к числу наименее влиятельных членов думы.

В первый период своего существования опричнина нанесла удар суздальской знати, в последующие годы террору подверглось старомосковское боярство. Удельная знать испытала опричные репрессии в значительно меньшей мере: из всех удельных князей жертвой опричников стал лишь князь В. А. Старицкий.

Ослабление боярской аристократии привело к известному падению роли и значения Боярской думы, высшего органа монархии XVI в. В годы террора резко сократился численный состав думы.

Централизованная монархия заметно окрепла в столкновении с могущественной аристократической оппозицией.

В соответствии с древними традициями важную роль в управлении государством играл наряду с Боярской думой «священный собор» — совет крупнейших духовных феодалов, пользовавшийся правом «советывания» с царем и участвовавший вместе с думой в обсуждении важнейших законов, внешнеполитических дел и т. д. Высшее церковное руководство было тесными узами связано с боярской верхушкой. Неудивительно, что опричные репрессии против бояр не миновали также некоторых князей церкви. Жертвами их стали митрополит Филипп, новгородский архиепископ Пимен и многие архимандриты.

Репрессии опричнины ослабили политическое влияние церкви. После публичного осуждения митрополита Филиппа Колычева и разгрома крупнейшей епархии страны церковь долгое время не могла достичь власти и влияния, которыми она пользовалась до опричнины.

⁷¹ Боярин П. А. Куракин находился в ссылке в течение всего периода опричнины.

Задолго до опричнины выдающийся дворянский публицист Иван Пересветов настоятельно советовал царю создать охрану наподобие янычарского войска и обрушить грозу на голову непокорных вельмож. Многие из того, о чем писал Пересветов в конце 40-х годов, сбылось в годы опричнины. Пророчества виднейшего дворянского идеолога столь удивительны, что некоторые исследователи склонны были полагать, что его сочинения появились в послеопричный период и были литературным выражением опричной трагедии.

В действительности, взгляды Пересветова явились предвосхищением будущего. Непосредственного влияния на опричные реформы они, по-видимому, не оказали. Дворянский радикализм и рационалистические элементы воззрений Пересветова были чужды царю Ивану и его ближайшему окружению.

Опричные реформы хотя и имели общие моменты с проектами дворянских публицистов, но в своем практическом осуществлении оказались весьма далеки от идеальных замыслов. Террор опричнины обернулся не только против «вельмож», «ленивых и богатых», но и против «простых воинов». Пожелания Пересветова относительно «царской щедрости до воинов» и идеи дворянского равенства получили уродливое воплощение в опричных привилегиях. Мечты дворянства о сильном монархе, правящем «с грозой», стоящим за «великую правду», обрели практическое осуществление в кровавом деспотизме и злоупотреблениях опричнины.

В XVI в. дворянство было политически распылено и по сравнению с боярской знатью играло второстепенную роль в управлении государством. Тем не менее давление общей массы дворянских интересов на политику было исключительно велико. Многочисленное среднее и мельчайшее феодальное дворянство, владевшее землями главным образом на поместном праве и тесно зависевшее от центральной власти, составляло глубочайшую социальную базу монархии.

В борьбе с непокорной боярской знатью монархия неизбежно должна была опираться на дворянство. Но этой цели она достигла не путем корпоративной организации мелкого и среднего дворянства в целом, а путем организации привилегированной опричной гвардии, укомплектованной служилыми людьми нескольких «избранных» уездов и противопоставленной всей остальной массе земского дворянства. Опричнина расширила фонды поместных земель в пределах опричных уездов. Она открыла незнатному худородному дворянству доступ в Боярскую думу и к высшим постам в аппарате управления. Некоторые ее стороны заключали как бы в зародыше все последующее развитие дворянско-бюрократической абсолютной монархии. Но опричнина обнаружила

тот факт, что в XVI в. среднее и мелкое дворянство еще не обладало ни моральными и политическими потенциями, ни достаточным образованием и влиянием, чтобы оттеснить боярскую аристократию от кормила управления и занять ее место. Свое выступление на исторической арене «худородные» дворяне-преторианцы ознаменовали лишь кровавыми бесчистствами, бессовестным грабежом и всякого рода злоупотреблениями.

В период опричнины дворянство не выдвинуло из своей среды ни одного реформатора типа Пересветова или Адаисва. Ее героями были всепильный палач Малюта Скуратов и целая плеяда подобных же временщиков от веселого царского сотрапезника Васьки Грязного до безграмотного канцлера и печатника Романа Алферьева.

Так или иначе, но политический вес дворянства в период опричнины заметно увеличился. Именно в это время внутри Боярской думы появляется курья «думных дворян».⁷² Образование института думного дворянства в опричнине протекало многообразными путями. Худородные дворяне получали доступ в думу прежде всего благодаря службе в дворцовых ведомствах. Опричнина изменила значение важнейших дворцовых чинов (оружничий, постельничий, ясельничий), ставших простым атрибутом думного дворянства.⁷³

Как показали новейшие исследования, централизованная приказная система управления окончательно сложилась на Руси в 40—60-х годах XVI в. Перестройка высших государственных органов и организация приказов были тесно связаны с потребностями централизации и становлением самодержавной монархии на Руси.

Центральное место в системе приказов XVI в. занимал Казенный приказ, руководители которого вошли в Боярскую думу задолго до опричнины. Во главе приказа стояли двое казначеев, главным помощником которых был печатник — хранитель большой государственной печати. Влияние печатников на дела управления заметно усилилось в 60-х годах, когда этот пост занимал И. М. Висковатый. Печатник Висковатый, которого иностранцы называли «канцлером», фактически возглавлял иерархию приказных чинов земщины.

⁷² Интересно, что самый термин «думный дворянин» впервые появляется в опричных разрядах 1571 г. (Разряды, лл. 375—376 об.).

⁷³ В опричнине оружничий кн. А. И. Вяземский стал одним из главных руководителей опричной думы. Постельничие входили в думу задолго до опричнины: в Дворовой тетради 1552 г. они занесены в список думных чинов после казначеев, но ранее печатника. Функции постельничего чрезвычайно расширились с того времени, как этот чин был пожалован Д. И. Годунову (1567—1572 гг.) (Разряды, лл. 338, 458, 467 об., 491). Ясельничие не числились в списке думных людей Дворовой тетради 1552 г. Во время Полоцкого похода 1562 г. ясельничий П. В. Зайцев сидел «в суде у бояр», а после учреждения опричнины стал одним из самых видных членов опричной думы (Разряды, л. 287 об.).

В Дворовой тетради 50-х годов только казначей и печатник отнесены к разряду думных чинов, все же прочие дьяки, руководители десятков различных ведомств, занесены в общий список, озаглавленный «большие дьяки».⁷⁴ К началу 60-х годов из общей массы «больших дьяков» выделились думные дьяки, ставшие постоянными членами Боярской думы. На Земском соборе 1566 г. приказные люди заседали раздельно: высшие приказные чины сидели вместе с боярами, прочие приказные — отдельной группой, записанной ниже детей боярских второй статьи.⁷⁵ В заседании думы участвовали, помимо руководителей Казенного приказа, также главы Разрядного приказа (И. Клобуков), Поместного приказа (П. Михайлов), Посольского приказа (А. Васильев) и их помощники (И. Бухарин, А. Щелкалов и И. Юрьев).⁷⁶ Спустя два года после собора думные дьяки вновь участвовали в заседании Боярской думы и скрепили своими подписями приговор 18 мая 1568 г. В числе их были главный поместный дьяк П. Михайлов, главный посольский дьяк А. Васильев и разрядные дьяки Андрей и Василий Щелкаловы.⁷⁷ В соответствии с традицией, сложившейся в 60-х годах, в состав Боярской думы постоянно входили руководители четырех-пяти важнейших приказов.⁷⁸ Они докладывали на заседаниях думы о внутренних и внешних делах государства, составляли документацию.

Образование внутри Боярской думы отдельной курии думных дьяков явилось результатом централизации государственного управления и развития приказного аппарата. Думные приказные люди были по преимуществу выходцами из мелкого дворянства. Из служилой мелкоты набирались не только дьяки, но и многие подьячие, служившие средним звеном приказного аппарата управления. Но дворянство не могло удовлетворить полностью потребности государственного аппарата в грамотных и образованных людях. Процент неграмотных в среде провинциального дворянства и даже столичной знати был очень велик.⁷⁹ Поэтому правительство нередко привлекало на службу грамотное торгово-посад-

⁷⁴ ТКДТ, стр. 114—115.

⁷⁵ СГД, ч. I, № 192, стр. 548, 553. — В нижней курии приказных людей заседали глава Большого прихода И. Булгаков, младший поместный дьяк В. Степанов, руководители Разбойного и Ямского приказов и т. д.

⁷⁶ Глава Посольского приказа носил чин думного дьяка еще в 1562 г. (см.: Н. П. Лихачев. Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. Сб. Археол. инст., т. VI, СПб., 1896, стр. 9).

⁷⁷ Сб. РИО, т. 71, стр. 564—565.

⁷⁸ В 80-х годах XVI в. в Боярской думе заседали глава Посольского приказа, двое дьяков Разрядного приказа, глава Поместного приказа и глава Казанского дворца (см.: Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 46, 47, 54).

⁷⁹ «Грамоте не умели» и не могли расписаться за себя такие столпы приказного управления, как бояре И. В. Меньшой Шереметев, И. Я. Чеботов, печатник Р. В. Алферьев (см.: А. А. Зимин. Земский собор 1566 года. Исторические записки, т. 71, стр. 200, прим. 25).

ское население, в особенности богатое купечество. В низших звеньях приказного аппарата удельный вес выходцев из третьего сословия был довольно высок. Служба в приказах открывала незнатным, но способным людям из мелких детей боярских и богатых купцов доступ к государственным должностям.

Приказной аппарат, дворянский сверху и разночинный в низших звеньях, служил послушным и надежным инструментом монархии. Социальный и политический вес приказной служилой бюрократии после опричнины несомненно возрос. Высшие ее представители, занявшие место в Боярской думе, стали играть наряду с думным дворянством роль своеобразного противовеса боярской знати внутри думы. С появлением думных дворян и дьяков дума из органа боярской олигархии, чисто аристократического по своему составу, постепенно начинает превращаться в сословно-представительный орган.

Развитию сословно-представительного начала в наибольшей мере способствовали Земские соборы.

Непременной частью любого собора XVI в. были Боярская дума и «священный собор», состоявший из князей церкви. Они являлись как бы «верхней палатой» собора, мнение которой имело решающее значение. Большинство соборов 60—70-х годов включало в себя только две высших курии. В таком составе были созваны соборы, судившие Сильвестра и Адашева (1560 г.), митрополита Ф. Колычева (1568 г.) и архиепископа Пимена (1570 г.), а также собор по делу Старицких (1563 г.), состоявший из одного только духовенства. Вопросы, обсуждавшиеся на них, касались членов царской семьи, руководителей ближней думы или высших церковных иерархов, ввиду чего правительство не допустило на них представителей дворянства, а тем более купечества.

Только в нескольких исключительных случаях на соборы были приглашены представители дворянства и торгово-промышленные верхи. Наиболее представительным собором середины XVI в. был Земский собор 1566 г., созыв которого был связан с короткой полосой компромисса в истории опричнины. Для продолжения тяжелой и разорительной войны за Ливонию правительство нуждалось в поддержке земского дворянства. Опричная дума желала переложить на плечи земщины всю тяжесть военных расходов. Руководствуясь подобным несложным расчетом, она и пригласила на собор многочисленных представителей земского дворянства, послушно проголосовавших за новые военные расходы.

Дворянство предположительно участвовало еще в двух Земских соборах: соборе, утвердившем указ об опричнине в феврале 1565 г., и соборе, рассматривавшем летом 1571 г. вопрос о восстановлении сожженной татарами Москвы. Оба собора так или иначе касались вопросов, связанных с финансами. В первом случае собор утвердил решение царя относительно получения из

земской казны чрезвычайного взноса в 100 тыс. рублей. Во втором случае речь шла об изыскании средств для строительства столицы.

Опричное правительство неизменно покровительствовало крупному купеческому капиталу. Царь Иван заявил однажды английскому купцу Дженкинсону: «Мы знаем, что нужно выслушивать речи о купеческих делах, так как они опора нашей государственной казны. . .».⁸⁰ Заботы о доходах казны побудили царя забрать в опричнину богатых купцов и соленопромышленников Строгановых и купечество богатых городов Севера и Поморья (1565—1566 гг.), английскую купеческую компанию, которая была крупнейшей из действовавших в России иностранных компаний (1569 г.), и, наконец, принять в опричнину ограбленное ранее новгородское купечество (1571 г.). Опричные власти пожаловали громадные земельные владения Строгановым (1568 г.), предоставили обширные привилегии английским купцам (1569—1570 гг.), заботились о внешней торговле и старательно поддерживали «нарвское мореплавание» (60—70-е годы). Именно в опричнине появились первые в русской истории концессии, предоставленные иностранному промышленному капиталу. Конечно, монархия поддерживала купеческий капитал лишь в той мере, в которой это ей было выгодно. Она не постеснялась предоставить неограниченные привилегии английской купеческой компании, чем жестоко ущемила интересы русского купечества. Спустя два года она конфисковала значительную часть английских товаров, чем чрезвычайно осложнила торговлю с Англией. Произвол опричнины в отношении русских купцов достигал крайних пределов. Достаточно указать на выселение псковских купцов в 1569 г., преследования новгородских купцов и конфискацию их товаров в 1570 г.

Несмотря на крайности и эксцессы опричнины купечество и верхи посадского населения поддерживали политику упрочения монархии и тесного объединения страны, обеспечивавшую более благоприятные условия для развития торговли внутри государства и за его пределами. Мелкий немецкий бюргер Генрих Штаден с восхищением отзывался о результатах централизации государства и упрочении монархии при Грозном. «Все же пышний великий князь, — писал он, — достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера!»⁸¹

Монархия охотно доверяла богатейшему купечеству проведение казенных финансовых операций, привлекала их на службу в приказных ведомствах и т. д. В период опричнины правительство впервые предоставляет купечеству широкое представитель-

⁸⁰ См.: Ю. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, стр. 135.

⁸¹ Г. Штаден. Записки, стр. 113.

ство на Земском соборе, желая получить от купцов согласие на введение в земщине новых поборов для продолжения Ливонской войны.

Как это не парадоксально, но временем расцвета соборной практики была мрачная пора опричнины, в особенности же тот кратковременный период в ее истории, который отмечен поисками компромисса. Глубокий раздор с правящим боярством побуждал монархию искать непосредственную опору в более широких слоях господствующих классов, дворянства и купечества. Значение Земских соборов как органов государственного управления было весьма ограниченным, тем не менее их возникновение знаменовало собой первый весьма важный шаг по пути становления сословно-представительной монархии в России. Решающую роль на соборах играли Боярская дума и совет князей церкви, но впервые рядом с ними широкое представительство получили верхи столичного и уездного дворянства, приказная бюрократия и богатейшее купечество.

* * *

Опричнина не разрешила политических противоречий, характерных для русской «феодальной монархии с аристократической Боярской думой». Террор, насильственное подавление элементов недовольства отнюдь не могли способствовать примирению противоречивых устремлений самодержавия, претендовавшего на неограниченную власть, и боярской знати с ее олигархическими замашками. Опричнина не изменила значения Боярской думы как высшего органа государства и не поколебала местнические порядки, ограждавшие политические привилегии знати. В думе на место казненных бояр пришли новые лица, представлявшие те же самые аристократические фамилии. Однако опричнина надолго покончила с самой возможностью открытой оппозиции «совета крупных феодалов» по отношению к монархии. Опричный террор оставил глубокий след в сознании господствующего сословия, кровавые призраки опричнины еще долгое время довлели над умами вождей этого сословия.

Опричный террор, ограничение компетенции Боярской думы, включение думных дворян и дьяков в состав думы, расширение роли и значения дворянской служилой бюрократии и, наконец, созыв представительных Земских соборов в годы опричнины бесспорно способствовали ослаблению политического влияния боярской аристократии и укреплению централизованной монархии, развивавшейся в направлении к абсолютизму.